

И. В. Побережников
ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург

УРАЛЬСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ

Существуют различные концептуальные трактовки понятия «идентичность»: глубинное индивидуальное свойство, ядро «Я» (self); коллективное явление, фундаментальное и последовательное тождество между членами одной группы или категории; база социальной или политической активности, не инструментальная, в отличие от «интереса», основа социальной и политической практики; продукт социальной или политической активности, процессуальное развитие коллективного самопонимания, которое создает возможность коллективного действия; случайный продукт многочисленных и конкурирующих дискурсов¹. Под региональной (территориальной) идентичностью, отличной от идентичности этнической, следует понимать «солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом». Данный вариант идентичности находит выражение в причислении себя к жителям определенной местности, региона, района, города, его части и т. д. Идентичность обладает мощным потенциалом сплачивания людей в устойчивые группы, объединенные общими системами ценностей, схожей реакцией на социальные процессы, единой волей к социальному действию, она может выступать основой для мобилизации общественных сил как созидательных, так и разрушительных².

Региональная идентичность формируется как следствие далеко зашедших процессов территориальной интеграции, резюмирующихся региональной специализацией, профилизацией. Сама региональная идентификация осуществляется различными способами и предполагает как объективный фундамент, так и субъективное осознание. Формирование регионального самосознания – кульминация в развитии региональной идентичности, означающая трансформацию исторического пространства, заданного «извне», то есть сконструированного *наблюдающим* независимо от представлений исторических акторов, в пространство, сконструированное самими участниками социального взаимодействия, наделенное ими особыми смыслами, выраженными посредством символического универсума системы культуры (социальных мифов об особых качествах местообитания, мистических компонентов традиции, примет «малой родины»), дизайна места обитания),

поддерживаемыми коллективной памятью, сложившимися ценностями и нормами, сконструированными самообразами, созданными специфическими чертами быта (одежды, диеты, словаря и т. п.).

Для «больших» регионов, к числу которых относится и Урал, региональная идентичность скорее обеспечивается формированием некоей территориальной общности под воздействием длительного совместного проживания людей на определенной территории. Если воспользоваться терминологией этнологов, такую идентичность можно трактовать как «примордиалистскую»³. На Урале очевидно складывается территориальная общность людей с самобытной системой ценностей, весьма целостная общественная структура, располагающая особой системой ценностей, широким спектром как хозяйственных отраслей, так и социальных ролей. Данный процесс был ускорен довольно ранним (уже в XVIII в.) формированием профиля региона как горнозаводского.

Несомненным фактором формирования региональной идентичности выступало административно-территориальное устройство края, постепенно административно «отсекавшее» Урал от сибирских просторов и Поволжья и «находившее» собственные управленческие центры. Показательна в этом плане попытка создания чисто уральской губернии уже в 1735 г., когда Кабинет министров и Сенат обсуждали, но безрезультатно, предложение Главного командира уральских заводов В. Н. Татищева об объединении Уфимской, Вятской и Соликамской провинций (входивших в Казанскую губернию) во главе с вице-губернатором (с центром в Кунгуре). Татищев аргументировал свое предложение удаленностью указанных провинций от губернского центра – Казани, а также значительным ростом численности населения в них («а ныне оные, как видно, в населении весьма умножаются, и один Уфимский уезд на несколько уездов разделяется»). В случае реализации проекта Татищева огромная губерния должна была объединить практически все Приуралье (Зауралье осталось бы в составе Сибирской губернии)⁴. Наконец, в эпоху Екатерины II все территориально-административные образования края приобрели уральский характер, а центры их были расположены в пределах региона. Областная реформа 1780-х гг. в значительной степени содействовала административному оформлению Уральского региона.

Существенное влияние на процесс региональной идентификации Урала оказало складывание здесь параллельно становлению уральской крупной горнометаллургической промышленности в XVIII в. системы местной горной администрации (Уральское горное управление)⁵. Сфера компетенции Уральского горного управления охватывала предприятия, расположенные в Сибирской, Казанской, Оренбургской губерниях. На протяжении второй и третьей четверти XVIII в. оно еще не было чи-

сто уральским учреждением. Ему подчинялись горнометаллургические хозяйства Западной и даже Восточной Сибири. Надрегиональный характер института отразился в его наименованиях (например, «канцелярии Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов»). Тем не менее уже в данный период создание территориально-отраслевой системы управления с центром в Екатеринбурге способствовало ускорению региональной консолидации Урала; обозначился и центр ее – Екатеринбург, замкнувший центростремительные силы, стягивающие Средний и Южный Урал, Приуралье и Зауралье. Функционирование региональной системы управления горнозаводской промышленности ускорило выделение уже в XVIII в. Уральского горнопромышленного региона, окончательно приобретшего самостоятельный административно-территориальный облик во второй половине XIX в.⁶

Впрочем, Уралу повезло и с рефлексивной региональной идентификацией, той самой, которая обретается путем исследования литературных и визуальных источников самого широкого спектра – путеводителей, записок путешественников; сугубо научных работ по фольклору, диалектам, этнографии, истории; художественной литературы; разумеется, и вообще произведений искусства. При этом следует иметь в виду, что «внешнее» конструирование образа региона (допустим, столичными учеными или литераторами) так же важно, как и «внутреннее» осмысление места в страновом контексте и целостности родного края его обитателями.

Индикатором динамики регионоформирования и генезиса краевой идентичности выступало выделение территории в качестве сложившегося региона в схемах районирования, которые разрабатывались учеными-современниками. Так, уже в 1818–1819 гг. известный географ, историк, экономист К. И. Арсеньев в своем основном труде «Начертание статистики Российского государства» идентифицировал как особый регион – «Уральское пространство»⁷. Существенный вклад в развитие отечественной экономической географии внес великий русский ученый Д. И. Менделеев. Выделенная Менделеевым Восточная область включала Вятскую, Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Пермскую и Самарскую губернии. Перспективу экономического развития Восточной области Д. И. Менделеев связывал с удачным сочетанием в ней богатых сырьевых запасов с удобной системой коммуникаций (Волга и Кама)⁸.

Симптоматично, что Урал (Уральские горы или Урал, Рифей, хребет Рифейских гор) как геокультурный объект (это константа, наряду с другими геообъектами входящая в каркас, на котором строится более детальная система представлений о мире) довольно часто присутствует уже в русской поэтической традиции XVIII в., символизируя россий-

скую мощь, неприступность, мифическую силу (М. Ломоносов, А. Сумароков). В поэзии XIX в. Уральские горы (М. Лермонтов, Ф. Тютчев, Н. Некрасов) наряду с такими крупными природными объектами как Черное и Каспийское моря, Волга, Дон, Нева, Днепр, Кавказ выполняют функцию «каркаса», на котором выстраивается образ Европейской России. При этом постепенно Урал из мифического Рифея предшествующего столетия превращается в реальную территорию, которая упоминается уже чаще не при абстрактных восхвалениях мощи Российской державы, а в связи с реальными событиями. Однако представление об определенной недоосвоенности, окраинности Урала сохраняется, находя выражение в слабой расчлененности его пространства в отличие от дискретности пространства Европейской части России. Укрепляется символическое значение Урала как показателя мощи Российской империи⁹.

Тенденции «ментального освоения» Урала поэзией XIX в. получили развитие и усиление в творчестве российских поэтов рубежа XIX–XX столетий: за Уралом сохранилось значение каркасообразующего элемента в структуре образа России; вариативно менялись и углублялись присущие ранее региональному образу смысловые и эмоциональные коннотации; росла детализация представлений об Урале, его внутреннем пространстве; предпринимались попытки поэтического осмысления Урала в целом в различных контекстах: «златоперстый Урал» (В. Ключев), «Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти, на ночь натыкаясь руками, Урала твердыня орала и падая замертво, в мученьях ослепшая, утро рожала» (Б. Л. Пастернак), «синий уральский ском каменным лег мешком, за скомом шумит тайга» (С. Есенин)¹⁰.

Впрочем, несомненно, что русская поэзия преимущественно фокусировалась на европейскую часть России; Урал, как и многие другие регионы страны, в целом еще не были глубоко освоены в контексте геопоэтического пространства. В этой связи становится понятным «призыв» Велимира Хлебникова к русской литературе предоставить «своего Пржевальского» (1913), который бы «открыл» реальное территориальное и этническое многообразие России, в частности, воспел и Урал¹¹.

Действительно, с 1910-х гг. художественное освоение пространства России, в том числе Урала, стало одним из наиболее значимых направлений развития литературного процесса. С художественным освоением Урала в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная неистощимая глубина земли (П. П. Бажов, Алексей Иванов, Ольга Славникова и др.)¹².

Устремленность в земную глубину считает преобладающим вектором формирования региональной уральской геопоэтики пермский

литературовед В. В. Абашев, подчеркивающий ее ярко выраженный теллурический характер. Такой геокультурный образ Урала, по мнению В. В. Абашева, начал формироваться еще в литературе XVIII в., но окончательно сложился в 1930-е гг. в творчестве Павла Бажова (у которого уральские горы – это горы, как бы уходящие в земные глубины, как бы вывернутые наизнанку).

Конечно, территориальной определенностью, связанностью с Уралом, отличалось творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка, развернувшееся во второй половине XIX – начале XX в. Как признавался сам писатель, «когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зеленые горы, мне начинает казаться, что и небо там выше и яснее, и люди такие добрые, и сам я делаюсь лучше. Да, я опять хожу по этим горам, поднимаюсь на каменистые кручи, спускаюсь в глубокие лога, подолгу сижу около горных ключиков, дышу чудным горным воздухом, напоенным ароматами горных трав и цветов, и без конца слушаю, что шепчет столетний лес. Мне кажется, что со мной вместе по зеленым горам ходит тень дорогого когда-то человека, память о котором неразрывно связана вот с этими зелеными горами, где он являлся единственным хозяином»¹³. Но как отмечает В. В. Абашев¹⁴, Урал интересовал Д. Н. Мамина-Сибиряка преимущественно в социологическом, антропологическом, экономическом аспектах, но не как геопозитическая реальность.

Итак, региональный идентитет формируется постепенно, конструируясь благодаря административным практикам, научным классификациям, литературным опытам, будничному осмыслению и т. д., которые пытаются отразить «естественные» процессы регионального структурирования, оформления места и функций региона в экологических, геоэкономических, этносоциальных и прочих контекстах. При этом сама региональная идентичность не является неким завершенным и стабильным образованием: вероятно, можно говорить о ее социальных, гендерных, локальных и прочих вариациях, а также о продолжении исторических модификаций, пытающихся фиксировать вновь возникающие обстоятельства и вызовы времени.

Примечания:

¹ Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 73–76.

² См.: Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: мат-лы 4-го конвента РАМИ: в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля*. М., 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. С. 84, 87.

³ Л. В. Смирнягин приводит показательный пример из книги Патриции Лимерик по истории американского Запада, которую она назвала *Something*

in the soil («Что-то особенное в самой почве»). Рефреном в данной книге проходит мысль о том, что сама природная среда и новейшая культурная история американского Запада заставляли меняться в строго заданном направлении (Limerick P. *Something in the soil: legacies and reckonings in the New West*. N.Y.; L.: W.W.Norton, 2001). См.: Смирнягин Л. В. О региональной идентичности... С. 92.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Юрьев, 1901. Т. 111. С. 146, 149.

⁵ Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX в.: Уральское горное управление / отв. ред. И. В. Побережников. М., 2008.

⁶ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX. М., 2004. С. 319–357.

⁷ Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818. Ч. 1. С. 19, 22–26; 1819. Ч. 2. С. 157–208.

⁸ Основы фабрично-заводской промышленности. Топливо // Менделеев Д. И. С думою о благе российском: Избранные экономические произведения. Новосибирск, 1991. С. 42–43.

⁹ Лавренова О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект). М., 1998. С. 31, 33–34.

¹⁰ Там же. С. 37–38.

¹¹ См.: Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 593.

¹² См.: Абашев В. В. Урал как предчувствие. Заметки о геопозитике Бориса Пастернака // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 125.

¹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Повести. Рассказы. Очерки. М., 1983. С. 445.

¹⁴ См.: Абашев В. В. Урал как предчувствие... С. 145; Абашев В. В. Мамин-Сибиряк: у истоков геопозитики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1(22). С. 51–59.